

тающая сторона должна стремиться использовать момент неожиданности. А ночь дает возможность стягивать пехотные и артиллерийские массы или их сосредоточивать к участку главного удара (центру тяжести) высшего командования и к «специальным» пунктам атаки нисших единиц.

В последующем изложении, как было указано в начале, мы выдвинем на первый план наши взгляды, как они сложились на основании боевого опыта, на наступление в маневренной войне и на бой за внутреннюю зону. Мы вовсе не будем касаться наступления при войне позиционной и особых форм боя ночью, в тумане, а также в лесу.

4. Формы наступления.

1. Недостатки довоенных форм.

Ничто так не изменилось по сравнению с довоенным временем, как формы наступления.

В 1914 году мы выступили без достаточного навыка к бою войсковыми единицами состава военного времени. Эти неуклюжие скопища очень рано расчленились в широкие непрерывные, согласно уставу, стрелковые цепи. По большей части в каждой роте два взвода впереди, один сзади и так продвигались целые версты через горы и доли, причем не обращалось достаточно внимания на принятое в мирное время тщательное использование местности. Раз войска попадали в сферу огня, начиналось заученное в мирное время продвижение вперед перебежками, по большей части взводами. Третий взвод, резервная рота, батальон и т. д., вливались в конце концов с большими потерями в порою густую и пестро перемешанную стрелковую цепь, и все же благодаря великолепному боевому духу и образцовой стрельбе наших солдат неприятель бывал опрокинут.

Этот прием не оправдался во время войны по следующим причинам:

1. Преждевременное развертывание широких стрелковых цепей закрепляло ранее, чем то было необходимо, т.-е. до выяснения положения дела, значительные силы, которых впоследствии уже нельзя было использовать на другом месте в решительную минуту.

2. Этот прием приводил при убыли к большому перемешиванию войсковых частей. Между тем одна из

важнейших данных, добытых военным опытом прежних времен и нашедшая яркое подтверждение в нынешней войне, заключается в том, что подобное перемешивание крайне вредно и что его следует всячески избегать. По возможности не следует так же переводить солдат из одного звена в другое. Тот же самый отделенный, тот же старший в звене (группе), которому были подчинены солдаты в строю, должен их вести и в бой.

3. Потери бывали чрезвычайно велики, так как широкие, издалека заметные стрелковые цепи, естественно, не могли в достаточной мере уклоняться от неприятельского огня. Это особенно сказалось тогда, когда пулеметы стали приобретать все большее и большее значение.

Еще в июле 1915 года я мог наблюдать при атаке на русские позиции, как влившийся в мой полк сильный ландверный полк со своими густыми стрелковыми цепями понес огромные потери. Тот, кто впоследствии видел выравненные непрерывные мертвенные стрелковые цепи англичан в сражении при С. Море (Армантьерское наступление) в апреле 1918 г., попавшие под огонь отдельных легких пулеметов, никогда не забудет этого зрелища.

4. В тех же случаях, когда разумное немецкое командование вело, например, наступление по ровной открытой местности не густыми стрелковыми цепями, а так называемой волнообразной бурской атакой, т.-е. широко рассыпав на больших промежутках стрелков одного взвода, которые при вступлении в огневой бой усиливались новыми волнами следующего взвода, и первая стрелковая позиция достигалась со сравнительно ничтожными потерями*).

Зато при этом происходило по меньшей мере столь же вредное полное перемешивание отдельных войсковых частей, которое весьма отрицательно отражалось на всем дальнейшем ходе боя. Под волнами мы разумеем волны, указанные в §§ 282 устава, а не обозначаемые также термином «волны» команды подавальщиков и проч. чисто позиционной войны (§ 362 устава).

*) „Бурская атака“, как-то знает каждый африканец, совершенно неправильное название уже потому, что буры никогда не вели атаки. Их тактика заключалась в искусной обороне, причем уже в 1899 году они отдельными группами, используя все преимущества представляемые местностью (вершины и пр.), организовывали известного рода „внутреннюю зону“, как ее развила в 1914 году мировая война.

Те же самые войска, которые под начальством своих командиров проявляли чудеса стойкости и выносливости, часто сдавали окончательно под командой посторонних начальников. Ибо даже после удавшейся атаки, именно после достигнутого успеха, наступает опасный момент, когда неприятель предпринимает контр-атаки. Это доказывают многие атаки под Верденом. Мне памятна также и атака моего собственного полка под Ре в мае 1917 года.

Таким образом на основании опыта надлежит избирать такую форму боя, при которой: 1) можно достигнуть уменьшения потерь и 2) не получается перемешивания воинских частей.

2. Новые формы.

Такой прием ведения боя найден еще во время войны, но он пока не нашел повсюду полного своего воплощения. Уже в 1914 году вместо преждевременно развернутых широких стрелковых цепей стали возможно дольше оставаться в глубоких построениях, при которых часто оказывалось возможным наилучшим образом использовать выгоды, представляемые местностью, и являлась возможность без существенных потерь вплотную подходить к неприятелю (колонны по отделениям, звеньям, движение рядами).

2-го декабря 1914 г. мне пришлось наблюдать, как под Лодзью вдоль берега ручья несколько рот моего полка с большим искусством подобрались к самому неприятелю и, развернувшись перед самыми линиями русских, внезапно вынырнули перед ними из лощины.

Движение рядами пользовалось особенной популярностью, как у наших друзей, так и у наших врагов. Ведь, двигаясь рядами удается с наибольшим успехом уклоняться от неприятельского артиллерийского огня и вообще избегать особенно заметных и подвергающихся неприятельскому обстрелу мест.

Это предпочтение, оказываемое движению рядами (по два), дошло до того, что говорят, будто французы во время войны запретили совершенно построение в четырехрядные колонны в сфере неприятельского огня.

В первом гвардейском пехотном полку, к примеру сказать, построение рядами было настолько обычно принято, что в 1918 году даже целые батальоны шли таким образом в наступление.

При атаке высоты 100 западнее Бурлона (Камбре) 30-го

ноября 1917 года сомкнутое наступление резервного батальона 41 пехотного полка с расстояния в 2 километра из глубины фронта ротными колоннами по одному дало хорошие результаты. Эта часть не понесла почти никаких потерь.

При известных обстоятельствах, правда, очень глубокие построения взятые во фланг могут понести весьма чувствительные потери.

Так, второй батальон 41-го пехотного полка понес 31-го июля 1917 года жестокий урон, вследствие своего построения ротными колоннами, когда он выполнял поручение командира 95 полка, командовавшего в передовой линии и потребовавшего от него наступления в косом направлении через полигонный лес.

В подобных случаях, разумеется, лучше применять широкие построения, или короткие колонны по отделениям.

Спереди они мало заметны даже на открытой равнине, особенно при не вполне ясной погоде или некоторой невнимательности со стороны неприятеля. Неприятель принимает их за отдельных стрелков, на которых не стоит тратить пороха и не препятствует их продвижению. Так было и с нами в окрестностях Миромон в марте 1917 года при нашем отходе на Зигфридовы позиции, когда англичане за нами следовали в этом построении.

Расположенные рядом глубокие построения сами собою приводят к тому, что каждая воинская часть ведет бой сама по себе из своей глубины и, следовательно, все время остается под начальством своих командиров. А мы как раз и нуждаемся весьма настоятельно в бое из глубины, ибо современный бой требует огромных затрат сил. Поэтому нам приходится во всех случаях придерживаться значительного расчленения в глубину.

Как часто случалось нам вначале на восточном фронте посылать торжествующие донесения после занятия первых русских стрелковых окопов или рядов стрелковых окопов и убеждаться, что тут только и начиналась серьезная оборона. Тогда перемешанные, беспорядочные стрелковые цепи старого образца часто оказывались не на высоте вновь создавшегося положения.

И так все более и более развивающийся бой за внутреннюю зону принуждает вводить в бой из глубины все новые силы, принадлежащие к той же воинской части.

Разумеется, не следует делать неподвижной схемой колонны по отделениям и рядам. Так, чертеж, помещенный в уставе, представляет задний уступ образцовой роты, наступающей

клинообразно группами стрелков, но всегда держащимися настолько возможно сосредоточенно около своих начальников. Того же надлежит придерживаться и при крупных операциях, где потребуют обстоятельства применять построения более широкие, чем глубокие. Использование всякой местности, даже самого маленького участка, доведенное до совершенства, составляет особую обязанность командного состава под неприятельским огнем. Даже передовые стрелки не должны, как то было прежде, наступать стрелковой цепью. Вопрос, в какой мере наступление пехоты может быть скрыто завесой тумана, производимого специальными снарядами, остается еще открытым.

Размещение друг возле друга отдельных воинских единиц в глубоких построениях имеет своим естественным последствием образование между этими частями промежутков. Это явление, уже неизбежное само по себе при современных условиях боя, еще более усиливается благодаря ошибкам, допускаемым при наступлении, вследствие уклонения от обстреливаемых пунктов и ограниченности сил. Бой разлагается на ряд сражающихся друг возле друга, расчлененных в глубину, наступающих групп, стремящихся сосредоточиться вокруг своих командиров. При таком размещении уступами, разрывы, если они не слишком велики, не страшны, ибо удар противника, направленный в эти промежутки, попадает при стойкости наступающих войск под фланговый огонь задних частей их и таким образом легко устраняется. Конечно, при этом предполагается, что командование тщательно будет следить за этими промежутками, которые благодаря потерям будут шириться, дабы наступление не подвергалось развалу и сохранило свое единство.

В ночь со 2 на 3 декабря 1917 года несколько небольших английских отрядов проникли в промежутки, образовавшиеся между отдельными частями 38 дивизии, но в конце концов, под покровом мрака, убрались во-свояси.

Мы бы назвали наступлением «ударными группами» подобное наступление расположенными друг возле друга, клинообразными боевыми единицами, по своей ширине и глубине расчлененными вплоть до самых мелких частей, соответственно действию неприятельского огня. Ведь эта форма боя возникла из наступления при позиционной войне. В этом случае к клинообразным прорывам в промежутки принуждали провололочные заграждения, часто не в достаточной мере разрушенные подготовительным огнем.

Крупные успехи, достигнутые именно при помощи ударных групп, побудили нас все более и более разработать эту форму боя и применять ее не только в окопах нетронутой прочной стемы позиции, но и при бое за полуразрушенные позиции, бое за едва намеченные, только что начатые вспомогательные позиции, а также в открытом поле при прорыве через глубокую полосу (зону) оборонительных гнезд. Наступление расположенных друг подле друга боевых единиц, с естественными промежутками, обладает еще и тем неопенимым преимуществом, что там где развитие положения требует введения в бой более значительных сил, представляется возможным вдвигать таковые в промежутки.

Таким образом, получается возможность усилить напряжение наступления там, где это требуется, (например, в слабых местах неприятельского фронта, планообразно, но не там, где получилась заминка в наступлении), совершенно иначе, чем в том случае, когда с самого начала крупные силы развертываются равномерно.

Слова Наполеона: «Ввяжемся понемногу всюду, а там увидим» *), снова приобрели свое значение.

Из всего вышесказанного, повидимому, достаточно выяснилось, что мы далеки от того, чтобы строить определенную схему клинообразного прорыва ударными группами. Но если представить себе все многообразие тех «позиций», которые обороняющийся противник может занимать перед нами, то легко прийти к убеждению, что отнюдь не следует делить наступление только на наступление «в открытом поле» и наступление в позиционной войне. Между этими двумя крайностями лежит целый ряд переходных ступеней.

Окостеневшая позиционная война представляет лишь одну из разновидностей большой войны и притом вовсе не отрядную. Ее особенности могут быть охарактеризованы в новом боевом уставе, но разбирать ее отдельно, как главную форму боя, никоим образом не следует. Пусть лучше готовят всю нашу пехоту к тому, чтобы она стала ударным войском, т.-е. таким, которое и в виде стрелковых цепей, и в колоннах, и змейками, и отдельными кучками—беззаветно следовало бы за своим командиром.

В заключение едва ли нужно упоминать, что мы вполне оцениваем необходимость сплоченности каждой группы при

*) „On s'engage un peut partout et puis l'on voit“.

атаке; к ней должны стремиться и взводы и роты. Именно в момент, следующий тотчас после прорыва, крайне важно, чтобы войска снова оказались в руках своих ротных и взводных командиров для нового применения. Ибо нельзя слишком часто повторять: взятие передовой позиции еще ничего не означает. За ним непосредственно следует или контр-атака неприятеля или собственное наступление, на новые оборонительные пункты, а это требует передвижений войск (перегруппировки) и притом часто под сильным неприятельским огнем. При этом сплоченность отдельных войсковых частей имеет решающее значение.

1. Успехи нашего пехотного огня.

Ничто так не изменилось в течение войны, как огневой бой, и тем не менее наши принципы начала войны в общем вполне оправдались впоследствии.

Войска часто наступали без поддержки артиллерии и своим огнем обращали в бегство неприятеля. Необходимо привести для этого несколько примеров.

Во время сражения при Будрези 21-го августа 1914 года две роты нашего 98 резервного пехотного полка повели с расстояния в 1500 метров наступление по открытому полю против двух французских стрелковых рот, хорошо окопавшихся и снабженных пулеметами. Наступление, повидимому, не представляло надежды на успех, и тем не менее позиция была взята без особенно крупных потерь. Попеременно, то делая перебежки, то стреляя, обе роты своим метким, с правильно установленным прицелом, ружейным огнем принудили противника укрыться. Об этом доносит лейтенант Клебе: «21-го августа 1914 года, за день до начала общего наступления 5-й армии, я находился со своим батальоном при 5-й и 6-й кавалерийской дивизии приблизительно в 15 километрах впереди фронта. В этот день я был подчинен 6-й кавалерийской дивизии (графа Шметтова) и стоял уступом впереди справа от ее расположения. Мне было поручено атаковать неприятеля, как только его части неосторожно выдвинутся, чтобы дать кавалерийской дивизии случай в свою очередь вступить в бой. Положение было благоприятное. В то время, как 2 роты заняли оборонительное положение к северу от Будрезийской роши по отношению к осторожно продвигавшемуся от Мерси-ле-Ба противнику, я с двумя ротами атаковал высоту на юго-запад от названной роши, где были замечены неприятельские войска, так как я знал, что у

Мерси ле Го, слева позади, была расположена уступами наготове немецкая кавалерийская бригада с конной артиллерией. и надеялся, что мое наступление будет поддержано этой артиллерией. Эта надежда не оправдалась, так как кавалерийская дивизия получила распоряжение отступить к немецкой границе и очистить фронт для готовившегося на 22-е большого наступления. Об этом не был извещен батальон. Несмотря на жестокий неприятельский ружейный огонь, а также пулеметный, атака увенчалась успехом почти без всяких потерь. Я готов утверждать, что это-то и было причиной, почему обе роты дошли до атаки. хотя ожидавшаяся поддержка со стороны 6-й кавалерийской дивизии не последовала и решительный бой при отсутствии такой поддержки не соответствовал создавшемуся положению. Неприятель был вынужден занимать последовательно три позиции одну за другой, и каждую из них можно было легко распознать по рядам убитых, как в том легко было убедиться на следующий день. После этого силы рот, пробившихся вперед, ослабели, и они при неизбежном тогда отступлении понесли тяжелые потери. Итак, до тех пор, пока неприятеля поражал огонь стрелков, его стрельба была ниже всякой критики. При отступлении же неприятельский огонь оказался метким».

Другая картинка:

Под Руж Мезоном на р. Эне шестая рота 64 полка под начальством капитана Остеррота, при выходе 24-го августа 1914 года из леса, метким ружейным и пулеметным огнем англичан была вынуждена залечь. Тотчас же рота открыла огонь, как на учении, и в то время, как в начале неприятельские пули ложились у корней деревьев, на высоте головы, уже после нескольких минут перестрелки сноп неприятельских пуль начал все выше и выше взбираться к верхушкам деревьев. Это столь ярко заметное превосходство в стрельбе побудило солдат к самопроизвольной атаке. Стоя палили они по англичанам, и после непродолжительного боя неприятельская позиция оказалась в руках нашей роты.

2. Упадок применения ружейного огня.

Во время войны три обстоятельства повлияли на то, чтобы отодвинуть на задний план ружейный огонь:

1. Огромные потери, которые мы понесли, благодаря нашему неукротимому духу при наступлении, лишили нас большинства столь тщательно обученного кадра стрелков и старых взводных и отделенных командиров.

2. Пополнения, заменившие их, были плохо обучены стрельбе и по большей части брали слишком высокий прицел, как писал суровый английский критик в 1918 году: «Немцы ведут наступление массами, они стреляют плохо и слишком высоко».

Пройдя лишь гарнизонное обучение, при котором приходится стрелять лишь по ряду отчетливо видимых головных мишеней, мы оказались безоружными перед противником, которого можно было разглядеть только в бинокль или который вовсе не показывался, заставляя нас обстреливать известные полосы местности, появляясь изредка то там, то сям для выстрела и опять исчезая, а порой обнаруживая лишь верхний край шапок.

3. С ухудшением и уменьшением пополнений машины все более и более выступали на передний план,—надо было беречь людей. Массы артиллерии при наступлении настолько возросли, что пехоте приходилось без выстрела маршировать вслед за волной артиллерийского огня. К этому надо присоединить артиллерию сопровождения, минометы и особенно большое увеличение числа пулеметов (тяжелых пулеметов, действительных на любую дистанцию, и легких, хорошо действующих на расстоянии не более 400 метров).

Пехота скоро привыкла к «совместному действию с артиллерией», которое в начале войны еще не было доведено до настоящей высоты, причем она позабыла, к сожалению, свое собственное хорошее оружие. Уже в 1915 году можно было порой наблюдать, как артиллерия очищала для пехоты позицию от неприятеля. Поддержка, оказываемая пехоте артиллерией сопровождения, минометами, легкими и тяжелыми пулеметами, была, конечно, в высшей степени ценна. Совместная с ними работа сделалась предметом всеобщего стремления и притом часто с большим успехом, но, к сожалению, однако, на войне у многих частей не хватало времени приобрести до мельчайших тонкостей доведенный навык, особенно же усовершенствовать его совместными боевыми стрельбами.

В настоящее время положение представляется в следующем виде:

Наши противники могут противопоставить нам могучие артиллерийские массы, в то время, как мы вынуждены значительно уступать им в этой области. И в отношении минометов и пулеметов они могут нас превзойти. Это можно сказать даже про наших новых маленьких соседей—чехо-словаков, поляков и пр. Ибо против военной великой державы, в роде наших прежних

противников, мы, конечно, вести войны в настоящее время не в состоянии.

Наступательная война, таким образом, значительно затруднена по сравнению с 1914 годом, тем более, что Антанта точно установила число наших орудий, минометов и даже пулеметов и сократила численный состав нашей армии до минимума.

3. Наши потребности на основании военного опыта.

Каковы же средства, которыми мы все же надеемся добиться победы, если бы нам пришлось защищать оставшуюся у нас немецкую землю от разбойничьих нападений наших новых соседей?

При помощи войск, технически обученных до мелочей, до тонкостей, так сказать, наступательным действиям с помощью вспомогательных боевых средств, которые, при правильном применении страшного действия огнестрельного оружия, могли бы возместить недостаток живой силы.

Так, один из генералов Антанты полагал, что никакие ограничения численного состава немецкой армии ни к чему не приведут, если нам удастся изобрести и применить такую машину, которая заменяла бы недостающих людей.

1. Легкие пулеметы.

Уже во время войны мы получили первые легкие пулеметы (пулеметы 08/15). Значительную часть роты составлял отряд легких пулеметчиков, который, как тогда говорили, мог заменить ружейный огонь целого взвода. Они должны были составлять передовую боевую часть, так как проведение огневого боя должно было быть предоставлено главным образом пулеметам (§ 284 устава). Под их прикрытием должны были продвигаться стрелковые отделения.

Это гениальное изобретение войсками было встречено с радостью и оказало прекрасные услуги в бою на близких расстояниях и при отражении атак. Эти пулеметы, при их полной действительности на расстоянии не более 400 метров, вполне оправдали свое назначение там, где приходится биться за укрепленные полосы, во внутренних зонах, где мы внезапно натывались на неприятеля, вообще на близких расстояниях.

Так, 15-го апреля 1917 г., вскоре после их введения, их огонь увенчался полным успехом, заменяя недостававшие нам

тяжелые пулеметы, а именно, в весеннем сражении под Аррасом легкие пулеметы стреляли через головы наступавшего 94-го пехотного полка по направлению к Бурсье (Камбре) по английской позиции вплоть до самого штурма. Тот принцип, что открытие огня должно последовать как можно ближе к противнику, привел к тому, что их пускали в дело вполне соответственно их действительности, лишь на близких расстояниях. Однако, случилось, что при большом наступлении 1918 года неприятельский огонь вынуждал нас отвечать на него и с более дальних дистанций, на которые легкий пулемет 08/15 не мог бить. Поэтому вновь пришлось вводить большие массы пехоты в первую линию. К тому же в этих пулеметах обнаружились многие недостатки благодаря спешности их изготовления, особенно в вилке станков. Точно также недоставало большей частью основательного обучения команды нового оружия еще в мирное время, почему легкие пулеметчики не надлежащим образом пользовались своим оружием. Так, то и дело происходили заминки, наконец, часто наступало и истощение запасов патронов. По большей части не хватало пеших подносчиков патронов, так что легкими пулеметами приходилось пользоваться с крайней бережливостью патронов.

Вот что пишет опытный штаб-офицер о недостатках легких пулеметов:

«Мне хотелось бы предостеречь от того, чтобы не возлагали чрезмерных надежд на возможность замены стрелковых отделений группами легких пулеметов.

Со времени введения легких пулеметов в маневренном бою, в ротах стали придавать чрезмерное значение введению в дело возможно большего числа пулеметов. Я утверждаю, что обучение пулеметных команд во время войны в войсковых частях, которые постоянно были в действии, никогда не стояло на должной высоте. Каждый более значительный бой вызывал необходимость обучения, которое было трудно осуществить, ибо войсковая часть, даже расположенная после боя на так-называемом спокойном месте фронта, должна при позиционной войне выполнять много всякой необходимой работы, и это тем более, что чем спокойнее был участок фронта, тем размер его все более разрастался, так что войска, занимавшие его, должны были оставаться на позициях продолжительное время, почти без отдыха.

Мне кажется, что часто было бы более целесообразным дер-

жать в боевой готовности лишь 3—4 легких пулемета на роту, остальную же команду вооружить винтовками и пользоваться ею так, как пехотой, чем давать на роту 5 легких пулеметов, при которых половина команды очень плохо обучена обращению с этим оружием. При таком состоянии обучения приходится думать и о будущем. Эти плохо обученные солдаты представляют, с одной стороны, плохих пулеметчиков, с другой—они часто теряют способность чувствовать себя пехотинцами.

Один из моих наиболее отважных батальонных командиров к сожалению, павший в конце войны, капитан принц Сольм, доходил до того, что ставил в укор пулеметам, особенно в виду многочисленности малопроизводительной запасной прислуги, будто они могут вредить наступательному духу, идее ударных частей.

Многие из этих недостатков пытались устранить еще во время войны. Всего радикальнее в этом отношении поступил мой 94-й полк после отбитого 2-го декабря 1917 года большого наступления англичан под Пашендэлем, когда стрелки с восторгом взяли за многочисленные брошенные перед нашими позициями английские ружья Люиса.

Впоследствии принялись за устранение так часто наступавшего во время войны недостатка патронов для легких пулеметов тем, что с самого начала наряжали известные отделения стрелков для подноски к передовой линии патронов».

Теперь, в мирное время, стремятся поднять работоспособность оружия соответственным обучением пулеметчиков.

Возникла мысль прикомандировать к тяжелым пулеметам в качестве подносчиков патронов некоторые запасные нестроевые пехотные команды; подумывали также о том, чтобы заменить одно из отделений легких пулеметов при каждой роте стрелковым *).

Полагали, что если роты вновь будут в своем большинстве составлены из стрелковых отделений, то вместе с этим изменится и самая тактика наступления.

Тогда перестали бы размещать в передовой линии, как то изображено на чертеже ч. 1 устава, всю массу легких пулеметов, но делалось бы это лишь в тех случаях, когда того потре-

*) Германская рота состоит из 3 взводов, взвод из двух пулеметных и четырех стрелковых отделений, всего 150—180 стрелков и 6 легких пулеметов.

ует положение вещей, когда можно рассчитывать на столкновение с неприятелем на близкой дистанции, как, например, во внутренней зоне, во время боя за выдвинутые гнезда и проч., между тем как в остальных случаях хотя бы часть передовой линии составлялась бы из стрелковых ударных отделений. Особенно же это должно было бы иметь место тогда, когда при наступлении предстояло пройти более значительные открытые пространства и можно было с самого начала предвидеть, что предстоит бой дальнобойным оружием. Именно в этих случаях легко подвижные стрелковые ударные отделения, вооруженные винтовками, могли бы выполнить многие задачи, невыполнимые для немногочисленных тяжелых пулеметов батальона на широком фронте.

Когда отовсюду стреляют—спереди, сзади, с флангов, из-за прикрытий и неровностей волнистого необозримого пространства, у тяжелых пулеметов, конечно, будет работы сполна, чтобы хотя приблизительно выполнить все стоящее перед ними задачи, особенно в тех случаях, когда сопровождающая артиллерия и минометы еще не готовы к открытию огня.

Я все же хотел бы сохранить все 6 легких пулеметов, вследствие их превосходных качеств для боя на близких расстояниях, опираясь на которые во время войны мы и вели бой во внутренней зоне, а ее мы в бою, как и прежде, постараемся достичь по возможности без борьбы. Что машина может дать, то и должно быть на нее возложено,—к этому нас вынуждает и численная незначительность наших войск. Следует ли ставить в первой линии больше легких пулеметов или больше стрелковых отделений, должно быть решено для каждого отдельного случая. Во всяком случае нам надлежит использовать для боя запасную прислугу легких пулеметов совсем иначе, чем мы это делали во время войны.

Начальники пулеметных команд должны с гораздо большим вниманием отнестись к ее размещению, сознавать себя начальником смешанной части (стрелки и пулеметы), с которой можно выполнять отдельные небольшие боевые задания.

Если же удастся снабдить всю армию легкими пулеметами 08/15 с воздушным охлаждением, отвечающим всем требованиям, между прочим возможности открывать действительный огонь уже на дистанции 700—800 метров, то естественно необходимость размещать впереди стрелковые отделения отошла бы на задний план, и польза, приносимая легкими пулеметами, значительно возросла бы.

2. Тяжелые пулеметы.

Теперь посмотрим, как пехота работает совместно с тяжелыми пулеметами.

Полковые пулеметные команды уже до 1914 года неоднократно обнаруживали свое выдающееся значение. Правда, часто их размещение во время боя производилось довольно непродуманно. В большинстве случаев не доставало планомерности в их совместной деятельности с пехотой. Может быть, виною тому до известной степени была наша подготовка мирного времени, когда командир пулеметной роты постоянно был против всякого распыления его части и стремился принципиально действовать самостоятельно со своей нераздельной ротой *).

Бывали также случаи, когда полк сосредоточивал в одном месте все свои пулеметы, дабы под прикрытием их огня батальоны могли пробиваться вперед. При полной ясности положения, после переправы через Дунай у Семендрии в 1915 году, один полковой командир перед наступлением на сербские возвышенные позиции установил на одной высоте свои пулеметные команды и 2 отделения горных пулеметов, как одну большую батарею. Под могучим прикрытием их огня батальонам действительно удалось спуститься вниз в долину, взобраться без особенных потерь на противоположные высоты, занятые хорошо укрепившимся противником, и победоносно штурмовать его позиции.

Такой прием, конечно, составляет исключение.

Гораздо чаще бывает, что батальонный командир удерживает с самого начала пулеметную роту в своих руках, именно в начале боя, когда положение еще не выяснилось, или же в выжидательном положении, пока пехота не продвинется вперед

*) Мне хочется при этом случае высказать некоторые соображения против восстановления самостоятельных тяжелых пулеметных команд.

Честь и слава, полное признание их боевым заслугам! В тех случаях, когда их начальники были уполномочены работать совместно с другими родами оружия и охотно это исполняли, они превосходно работали и давали блестящие результаты.

Однако многочисленные затруднения, с которыми приходилось встречаться их начальникам при беспределности заданий в критические моменты боя, часто оказывали весьма вредное действие в серьезных случаях на единство общего руководства боем, особенно во время больших отступлений. Часто это зависело от того, что начальники самостоятельных тяжелых пулеметных команд действовали без определенных указаний о положении дела, и совсем не знали, что именно происходило на их боевом участке, и сами не доносили старшим начальникам и проч.

Если стремиться к их восстановлению, то необходимо издать строго определенные указания относительно их соответственной подчиненности.

поддержки атаки пехоты с возвышенной позиции. В этих случаях пулеметным командам поручаются определенные участки для наблюдения. Против сомкнутого одновременного введения в бой всех пулеметов грозит опасность скорого обнаружения их неприятельской артиллерией. Когда выяснится цель боя, батальон должен равномерно направить все свои пулеметы именно против того участка, где определится центр тяжести боя или откуда наступающая пехота более всего поражается.

В только что описанных моментах сражения командир пулеметной роты руководит своей ротой в совокупности согласно указаний, получаемых им от батальонного командира. Он отдает приказания своим взводным командирам, при выполнении которых последние пользуются известной самостоятельностью.

В дальнейшем же ходе боя часто, однако, бывает, что отдельные пулеметные взводы для оказания действительной помощи должны выдвинуться вперед в сферу боя передовых пехотных рот и таким образом выйти из-под непосредственного объединяющего руководства командира пулеметной роты. Ясно, что каждый деятельный и энергичный командир пулеметной роты неохотно согласится на дробление своей части. Он, конечно, будет всячески сохранять ее целиком у себя под рукою, тем более, что вопрос о пополнении патронов, личного состава и проч. разрешается гораздо легче, когда взводы ему подчинены тактически и действуют по его указаниям. Но так как задача тяжелых пулеметов—поддерживать наступление пехоты батальона, а последний в большинстве случаев распадается на многочисленные группы бойцов, то часто руководство из тыла огнем пулеметов становится невозможным, и должно производиться с фронта. Пехота передовой линии должна иметь уверенность, что позади ее руководятся ее желаниями.

Невозможность объединенного руководства огнем отдельных пулеметных взводов с тылу в такие моменты боя резче проявляется на войне, чем при упражнениях мирного времени, где не бывает огня и где поэтому трудность передачи приказаний не выступает с такой наглядностью. Если посредники будут препятствовать всякому облегчению в этом отношении, не соответствующему условиям военного времени, то с отстаиваемым мною взглядом всякий легко согласится. То возражение, что и у французов пулеметная рота входит как отдельная единица в состав батальона, уже потому не вполне убедительно, что

французский легкий пулемет, благодаря своему техническому превосходству перед нашим, может выполнять многие задачи тяжелого пулемета.

Если, как я на том настаиваю, командир батальона в течение наступательного боя примет решение распределить свою пулеметную роту по частям между передовыми пехотными ротами, то возникает вопрос, должны ли отдельные пулеметы взвода быть только приданы к пехотным ротам, или же им подчинены?

Вопрос весьма спорный.

Анкета, произведенная в армии, дала бы тот результат, что подавляющее большинство пулеметных офицеров высказалось бы за присоединение, а такая же пропорция пехотных—за подчинение.

Я с своей стороны высказываюсь за подчинение.

Тяжелые пулеметы должны содействовать наступательному продвижению пехотных рот; во многих случаях оно без этой поддержки представляется немыслимым. Поэтому является обязательным, чтобы пулеметы действовали в теснейшем единении с пехотой.

Согласованность, как таковая, будет теснее, если пулеметный взвод будет подчинен пехотной роте, если он будет действовать как ее 4-й взвод. В таком случае он связан приказом ротного командира и у последнего имеется полная уверенность, что тяжелый пулеметный взвод будет действовать по его указаниям.

Правда, трудность заключается в том, чтобы прочно поддерживать связь с пехотной ротой.

Тяжелые пулеметы, пожалуй, имеют возможность поддерживать большую часть наступления из одного исходного пункта, в то время как пехота, продвигаясь вперед, все более и более от них удаляется.

В подобных случаях подчиненность пулеметного взвода пехотной роте сама собою прекратится, так как предпосылки, на которых она зиждется, уже прекратили свое существование и пулеметный взвод вновь переходит под команду начальника пулеметной роты или же батальонного командира.

Однако, как мы сами признали, многие ротные командиры во время войны отдавали нецелесообразные распоряжения командирам пулеметных взводов, клонившиеся по большей части к тому, чтобы последние продвигались за ними вперед,—у них была потребность, по возможности, и по месту привязать

в себе тяжелые пулеметы. От этого получалось, что пулеметы, черезчур выдвинутые вперед, терпели крайние затруднения в отношении снабжения патронами и водою и несли совершенно напрасные потери, особенно чувствительные для этого рода оружия.

Однако, эти ошибки должны быть и будут устранены длительным обучением обоих родов оружия совместному действию в общем духе германской армии. Выдвигалось и другое возражение, что у ротного командира дела по горло с правильным использованием своих прочих видов оружия: легких пулеметов, автоматических пистолетов, винтовок, ружейных гранат, ручных гранат; во-время ввести в бой свои ударные группы и резервы, собственным примером воодушевить и повести свою роту и проч.

Он потому не может в достаточной мере заняться крайне трудными техническими задачами стрельбы, возложенными на командира пулеметного взвода, он не будет в состоянии отдавать еще приказание относительно выбора позиции и заданий для стрельбы взвода, ему почти ничего не остается делать, как довериться целесообразной поддержке командира взвода.

На это можно возразить, что совсем не дело ротного командира входить во все частности распоряжков тяжелого пулеметного взвода. Он должен лишь совместно с командиром пулеметного взвода разработать план боя (перекидная стрельба, оставление промежутков, продвижение уступами и т. п.). Самое же выполнение он может, да и должен, предоставить ему. И в дальнейшем, в течение боя, он также будет давать указания, возможно, по предложению командира тяжелого пулеметного взвода. Он будет охотно стремиться поддерживать это подчинение и в тех случаях, когда он будет давать взводу самостоятельные поручения (защиту флангов, стрельбу из соседнего участка и проч.). Если же связь между ними порвется, тогда, конечно, командиру взвода придется действовать самостоятельно на пользу роты.

Дальнейшее возражение против подчинения тяжелого пулеметного взвода заключается в том, что этот последний во время боя будет лишен возможности в должной мере использовать представившийся случай внезапного флангового обстрела соседнего участка, невольно оставляя это на втором плане, что для проведения наступления имеет, однако, решительное значение.

На это можно возразить, что при должном обучении командир пехотной части не преминет учесть столь выгодный и для него самого случай нанести неприятелю удар и на соседней участке.

Далее высказывается мнение, что в воинской части, в которой офицеры хорошо друг друга знают, присоединения пулеметного взвода совершенно достаточно. Разумеется, это может служить достаточной гарантией дружной совместной работы, если ротный командир и командир пулеметного взвода сходятся между собою и в вопросах тактики и других. Но в том случае, если этого нет на самом деле, из одного только присоединения могут возникнуть в данном случае нежелательные трения. Если они не принадлежат к одной и той же воинской части, если они чужды друг другу, то подчинение всегда предпочтительнее подобно тому, как оно является бесспорным, когда пулеметы выдвигаются в передовую линию.

Разумеется, будут встречаться случаи, где лучше не подчинять выдвинутые вперед пулеметные взводы одной определенной роты, например, когда им приходится действовать на более широком боевом пространстве, чем участок, занимаемый отдельной ротой.

Впрочем, все говорит за то, чтобы тяжелые пулеметные взводы, распределенные между передовыми ротами, подчинить командирам рот, как 4-е взводы, согласно тому принципу, что начальник, несущий ответственность за правильное проведение боевого задания, должен иметь право свободно распоряжаться предоставленными ему для этого средствами. В одном вопросе, правда, пути обоих командиров расходятся: в отношении пополнения патронов, материалов и прислуги командир пулеметного взвода связан с командиром пулеметной роты и должен сохранять с ним для этого самую тесную связь, безразлично, подчинен ли он какой-либо пехотной роты или только к ней прикомандирован.

Чтобы при всех обстоятельствах иметь возможность не упустить важную скоропреходящую цель, вошло в обычай во многих частях, например, в 1-й гвардейской дивизии, выделять в самостоятельную единицу 3-й пулеметный взвод в качестве летучего взвода.

Четвертый же взвод с четверной упряжкой батальонный командир должен в большинстве случаев удерживать при себе. Этот

взвод при помощи современного прицела будет в состоянии принимать участие в бою в надлежащее время на надлежащем месте и из далекого тыла, действуя перекидным огнем, покуда хватит досягаемости, да и вообще его подвижность увеличивает возможность его применения.

Приемы вступления тяжелых пулеметов в бой пехоты требуют специального обучения. Относительно нетрудным является тот случай, когда удастся поместить тяжелые пулеметы на возвышенных (командующих) местах, тогда они имеют возможность действовать, не препятствуя движению пехоты. Поэтому уже в течение войны проявилось сильное стремление предоставлять им такую возможность. Уже в 1914 г. нам пришлось столкнуться с русскими стрелками, стрелявшими с деревьев, о которых мы теперь, к сожалению, уже совсем успели позабыть при наших упражнениях. Стремились занять каждую самую ничтожную возвышенность, чтобы подкараулить с этих наблюдательных пунктов первые попытки наступления. С большой отвагой устремлялись впоследствии наши тяжелые пулеметы, не обращая внимания на неприятельский огонь, на ближайшие возвышенности и часто по открытому полю.

Однако, надо помнить, что таких возвышенных пунктов по большей части совершенно не имеется, тогда не остается ничего другого, как стрелять из пулеметов в промежутки пехотных линий.

В этом случае большую помощь оказывает нам вышеизложенный боевой порядок из рядом стоящих построенных в глубину войсковых частей, с обстреливаемыми (боевыми) промежутками между ними. Последние как бы нарочно созданы для стрельбы сквозь них.

На чертеже ч. I устава обозначены промежутки в 20 метров, но в примечании, правда, указано, что они могут быть и значительно больше. Промежутки в 20 метров слишком узки для огня тяжелых пулеметов, которые должны стрелять по возможности издали с тылу и во фланг. Даже для легких пулеметов, и при коротких расстояниях, они чересчур малы. Поэтому, если уже устанавливать какую-нибудь норму, то удачнее было бы брать промежутки в 30 метров. Чем промежутки больше, тем, естественно, действие тяжелых пулеметов успешнее, а особенно в направлении флангов, но тем более утрачивается и сплоченность взвода. Поэтому рота охотнее поместит приданные ей тяжелые пулеметы в промежутках между обоими взводами или на границе соседней роты.

С развитием наступления условия боя и условия местности часто вызовут или расширение промежутков, или их сужение или даже полное их перемещение, тактическое положение может привести в одном месте к созданию широких промежутков огня тяжелых пулеметов, в другом их совершенно упразднить, выдвинув в первую линию тяжелые пулеметы. В этом отношении нельзя установить определенных правил; во всяком случае, как было указано выше, принцип размещения друг возле друга пехотных частей, построенных в глубину, способствует стрельбе тяжелых пулеметов сквозь промежутки.

Главное заключается в том, чтобы тяжелые пулеметы содействовали продвижению наступления, все равно, работают ли они с возвышенности, с фланга, сквозь промежутки или в боевой линии.

Вот пример, описанный лейтенантом фон-Куровским, из которого можно ясно увидеть, что при стрельбе пулеметов через промежутки поддержка пехоты, наступающей волнами или стрелковыми цепями, не достигается; на том же примере видны и вредные последствия перемешивания частей.

Весной 1918 г. у Гривеснеса на р. Авре 1 пехотный грендерский полк тщетно пытался овладеть парком и местечком.

Пройти через широкую долину около 1000 метров казалось невозможным. Только в предрассветном тумане следующего дня удалось одному батальону подобраться почти на 250 метров и, несмотря на неприятельские пулеметы и заградительный огонь, окопаться и задержаться. Одна рота была построена, как было тогда принято, несколькими волнами. Стрелки двух взводов развернулись цепями, как волны, тесно одна за другой, третий взвод, как поддержка, тоже в одну линию несколько сзади. Чтобы прижать к земле противника на время преодоления, местами до 300 метров, расстояния атаки, четыре легких пулемета, готовые к открытию огня, были выдвинуты впереди стрелковой линии. Атака была назначена в 12 часов дня. Легкие пулеметы, неожиданно вынырнув, начали обстреливать неприятельское расположение и, оставляя свободные промежутки для этого огня, пехота бросилась вперед.

Огонь пулеметов мог продолжаться, пока пехота не подошла на 30—40 метров, так что противник, убравший головы и только теперь вынырнувший, был сбит раньше, чем успел открыть огонь.

В этом случае оказалось очень удобным стрелять сквозь пелену, чтобы удерживать противника пулеметами; но вообще стрельба через промежутки, несмотря на незначительное расстояние до цели, не может доводиться до конца, так как отдельные люди в конце атаки, избегая разрыва гранат противника, бросаются в промежутки. Эти промежутки доходили в среднем до 30 метров.

Дальнейшее продолжение боя показало, что построение пехоты было ошибочно.

Взводы заняли друг за другом всю ширину боевого участка. Према промежутками для стрельбы пулеметов каждый взвод был разорван на три части, из которых две ускользали из-под влияния командира взвода. Так как тотчас после атаки бой разбился на целый ряд отдельных стычек, то отделившиеся части так и не могли больше соединиться.

Когда случилась первая задержка и задний взвод влился в бой, произошло перемешивание частей, что было немаловажной причиной позднейшего поражения. Было бы правильнее с самого начала все три взвода расположить рядом и при этом так, чтобы каждый взвод наступал с сильной ударной группой впереди, за которой в виде поддержки на коротком расстоянии должна была следовать остальная часть взвода. Между взводами само собой получились бы промежутки для огня пулеметов, взводные командиры держали бы своих людей крепко в руках, и перемешивание частей было устранено.

Пример этот интересен во многих отношениях:

1. Движение прямо перед собою.

Чем дальше от пулеметов уходят стрелки, тем в большей степени возникает опасность, что люди разомкнутся и таким образом могут попасть под дуло пулемета.

Тщательное обучение пехоты атаке с «простреливанием» должно привести к тому, что этот боевой прием войдет в плоть и в кровь.

2. В случае под Гривеснесом дело шло, как уже указывалось, не о планомерной атаке из позиционной войны, а об атаке в полевой войне по открытой равнине, но и здесь опытный ротный командир предпочтет раздельное, подобное ударным группам, построение широкому линейному, стрелковым цепям, потому что в первом случае сохраняется внутренняя сплоченность частей, которая как раз безусловно необходима в разлагающей обстановке боя внутри позиции.

Предполагаемое здесь расположение взводов рядом не исключает, конечно, того, что командир роты, где это возможно, несколько отделений или пол-взвода удержит в своем распоряжении, чтобы сохранить свое влияние на ход боя.

Также и при удачном штурме 94 полка при Рое, 15-го мая 1917 г., сильно чувствовалось, что различные волны повели к перемешиванию частей, которое крайне невыгодно обнаружилось в ту минуту, когда англичане после сильной артиллерийской подготовки перешли в контр-атаку. Ибо еще раз надо повторить, что бой состоит теперь не в том, чтобы взять одну позицию, как при Гравелоте, а в контр-атаках и обратном возвращении многих позиций внутренней полосы.

В случае под Гривеснесом за недостатком тяжелых пулеметов были взяты из роты легкие, принявшие на себя роль первых.

В других случаях соединяли массу тяжелых пулеметов в батареи и располагали их вправо и влево от атакующей части.

Из вышеизложенного видно, что нельзя дать какой-нибудь схемы для применения тяжелых пулеметов при атаке, но всякий начальник, применивший это оружие в различных случаях практически, будет в состоянии даже трудную атаку провести без больших потерь.

Тщательно обдуманная работа трех видов оружия: ружей, легких и тяжелых пулеметов, является во всех случаях важнейшей работой младших начальников.

3. Полковая артиллерия и минометы.

Сохраняет ли полковой командир полковую артиллерию под своим начальством или распределяет ее между батальонами, зависит от обстоятельств; большей частью бывает последнее. Часто ему приходится помещать всю батарею там, где он полагает центр тяжести боя, т.-е. придавать ее переднему батальону.

Реже случается, чтобы батальон еще более раздробил приданную ему артиллерийскую часть, распределив отдельные орудия между ротами. Это не может быть принято за правило уже из-за пополнения запаса снарядов и раздробления средств наблюдения, хотя именно этим путем на учебных упражнениях соответственный начальник орудия больше всего приобретает знаний и навыка и становится более подготовленным для занятия следующей должности.—Задача стотысячной германской армии.

Поручит ли начальник подчиненной ему артиллерии, только обстрел передовой неприятельской линии или, забегая вперед, даст ей более далекие цели, зависит от его оценки общего положения. Во всяком случае надлежит принять меры, дабы артиллерия не препятствовала продвижению пехоты, что, к сожалению, неоднократно приходилось наблюдать во время войны. Артиллерия должна во всяком случае заботиться о том, чтобы не упускать из вида самого смелого передового стрелка, дабы своевременно перенести огонь на более далекое расстояние.

Задача полковых батарей и минометов заключается в том, чтобы уничтожить расположенные на средних и преимущественно близких дистанциях особо опасные для пехоты отдельные цели (пулеметные гнезда, отряды стрелков, танки).

Прямая наводка гарантирует скорейшее и вернейшее выполнение задания. При выборе боевой позиции надо обращать внимание на каждое естественное закрытие, доставляемое условиями местности, чтобы сохранить жизнедеятельность орудия. Орудия и минометы должны направлять свой огонь на те цели, которые или совершенно скрыты от огня пулеметов и ружей, или мало ему доступны, благодаря своему укрытому расположению. Поэтому минометам часто приходится стремиться поражать мертвые пространства перекидным навесным огнем.

Грубой ошибкой считаю я, когда, как это, впрочем, не раз бывало на войне, им поручают засыпать снарядами участки окопов и т. п.; начальник должен самым тщательным образом взвесить вопрос о том, какие цели он им поставит, например, на участке удара (центр тяжести). До тех пор они должны научиться сдержанности и избегать того, что еще постоянно наблюдается во время маневров мирного времени,—тотчас без всякой надобности брать под обстрел всевозможные цели (порою целый ряд таких целей); эта выдержка должна соединяться с их обязанностью самостоятельно использовать благоприятные моменты.

Какие именно цели особенно опасны для пехоты, часто выясняется лишь в течение самого боя. Командир полковой батареи или взвода должен находиться при полковом или ответственном батальонном командире, коим он подчинен. Этот последний должен давать совершенно определенные приказания, что опять-таки не исключает обязанности артиллерии самостоятельно брать под обстрел благоприятно представившиеся цели.

Но важнее всего, чтобы в тех случаях, когда орудие (пушечный взвод минометов) будет придано роте, оно также получало совершенно точные указания, куда необходимо стрелять.

Связь между начальником батареи (и ему соответствующим) с его пушками должна во всяком случае быть обеспечена средствами связи. 11 апреля 1918 года под Армантьером обстрел сильных неприятельских пулеметных гнезд приостановился, так как в начале таких средств связи не было налицо. Последствием этого и возникших недоразумений явились крупные потери.

Командир взвода или отделения артиллерии или минометов, который во время маневров оказался бы при начальнике пехотной части без средств связи со своими пушками, просто подлежит возвращению в свою часть, так как он все равно бесполезен.

Во время маневров полковая артиллерия склонна порою выдвигаться слишком вперед, чтобы доказать свое рвение, т. е. она боится, что ее действие, за отсутствием видимых попаданий, в противном случае может остаться незамеченным.

Но полковая артиллерия действует своими выстрелами, а не ногами своих лошадей; при ее дальнбойности приближение на каких-нибудь 100 метров роли не играет. При известных обстоятельствах, когда, например, неприятельские гнезда, благодаря искусному размещению, как то часто наблюдалось в 1918 году, было не легко достать, артиллерия не должна, конечно, бояться выдвинуться вперед, причем отдельные пехотные орудия подтягиваются особо и заранее обученными пехотными солдатами. Впрочем, надо стремиться к тому, чтобы возможно дольше стрелять с одной и той же позиции и прибегать к перемене ее лишь в особых случаях, например, после взятия прежней цели пехотой.

При начале наступления пехоты часто является желательным, чтобы полковая артиллерия наблюдала, стоя на боевой позиции, за ее продвижением, с тем, чтобы иметь возможность тотчас вступить в дело, когда то окажется необходимым.

Это является тем более необходимым, что, например, французы в 1918 году пускали в ход свои тяжелые пулеметы уже (в гнездах) с далекого расстояния.

В противоположность артиллерии полковые минометы при их незначительной дальнбойности должны остерегаться с самого начала вступать в дело на слишком большие расстояния, поэтому

они гораздо менее пригодны для наблюдения за продвижением пехоты. Им скорее следует указывать, чтобы они держались ближе к стрелкам, так как они всего вернее действуют на расстоянии от 600 до 900 метров. При этом они должны обстреливать не только передние линии противника, где, пожалуй, можно найти лишь несколько гнезд легких пулеметов, но и стараться действовать внутри оборонительной зоны. Итак, поближе с этим идеальным оружием «ближнего боя», которое, в противоположность пушке, своими точными попаданиями дает возможность ударным отрядам в непосредственной совместной с ними работе использовать результат каждого отдельного выстрела. Точно также и для минометов имеет особое значение подвижной начальник, который не оставался бы непрерывно привязанным к своей части. Решающее значение именно для минометов имеет вопрос снабжения снарядами, а, следовательно, и связь метательных орудий с их обозом, дабы это точно действующее орудие в решительный момент было снабжено достаточным количеством снарядов. Взвод средних минометов батальонный командир будет держать в своем распоряжении; он требует известного времени для изготовления к бою. Этот промежуток времени надо учитывать при введении их в дело (приблизительно от 20 до 30 минут). По причинам сильного действия его следует вводить там, где находится центр тяжести боя.

Само собою разумеется, что эти тяжелые орудия должны по возможности пользоваться свободой выбора своих боевых позиций, чтобы достигнуть столь важного флангового положения. 30-го ноября 1917 года во время наступления на Камбрэ командир 41 полка поместил поэтому свою полковую артиллерию на соседнем участке справа, а его левофланговый батальон другой приданный ему артиллерийский взвод на соседнем участке слева; в обоих случаях с блистательным успехом.

Относительно обоих родов оружия, артиллерии и минометов можно, конечно, сказать еще бесконечно больше, но мы вышли бы из пределов нашей темы, если бы захотели изложить здесь более точно отдельные подробности.

В то время, как пулеметы оказали огромное влияние на формы наступления и их совместная с пехотой работа потребовала тщательного обучения, дело оказалось гораздо проще по отношению к тяжелым дальнобойным орудиям во время войны. Они стреляют через головы пехоты без всяких затруднений и совместная работа при мало-мальски хорошо организованной служ-

бе связи сравнительно легка, поскольку пехота научилась использовать действие этих вспомогательных родов оружия и ожидать результатов его.

4. Танки.

Новое наступательное оружие, танки, которым вместе с следующей за ними пехотой удавалось осуществлять глубокие прорывы в неприятельские позиции, несомненно еще больше совершенствуются в будущем.

В этой области нас ожидают еще разные неожиданности. Однако, степень развития этого рода оружия к концу войны не давала возможности наступающей стороне пользоваться танками, как главным средством достижения успеха.

Опыт последних годов войны показал, что это механическое оружие перед лицом решительно обороняющегося противника почти никогда не достигало успеха на войне. Доказательством тому служит следующий пример.

В одной брошюре, изданной капитаном фон-Гартманом, посвященной памяти павшего 1-го сентября 1918 г. капитана принца Фердинанда Сольмс, батальонного командира 94 полка, говорится:

«Под Шоном зияет широкий промежуток в немецком фронте, который неприятель несомненно использует при ожидаемом на завтра наступлении. Спокойно и отчетливо батальонный командир капитан принц Фердинанд Сольмс отдает свои распоряжения; каждый знает, что он должен делать. Все хорошо сознают серьезность и тяжесть предстоящей задачи. Но в крепком рукопожатии и твердом взгляде начальника лежит спокойная уверенность: мы готовы на последнюю жертву. 94 полк разворачивается; 2-й его батальон передвигается на запад севернее, 1-й южнее полотна железной дороги Шон—Розьер. Движение войск развивается медленно. Ориентироваться в глубокой ночной темноте по неизвестному полю, усеянному старыми, густо заросшими лопухом воронками от снарядов, крайне затруднительно. Тем не менее к утру 10-го августа промежуток впереди Шона был заполнен и сомкнутость боевого фронта восстановлена. Повозки с патронами и продовольствием еще не подошли. Едва только роты кое-как расположились, как появилась первая волна неприятельского наступления; канадцы пытаются без артиллерийской подготовки при поддержке многочисленных танков опрокинуть ряды полка. Им удастся по изрытому

окопами пространству незаметно подойти на близкое расстояние. У полка еще нет налицо подходящего оружия и снарядов для отражения танков. Боевой обоз все еще не подошел. Лишь несколько орудий успело выехать на позицию; своевременно уведомленные принцем Фердинандом, они уничтожают несколько броневигов. Остальные частью прорываются через фронт. Это не приводит в смущение наши роты. Храбрецы бросаются на них с ручными гранатами, винтовками и автоматическими пистолетами. Одно из этих чудовищ проходит близко от штаба 1 батальона 94 полка; принц Фердинанд дает танку пройти мимо и затем лично нападает на него с горстью неустрашимых людей и выбивает его из строя выстрелами в резервуар с бензином. В 4-й роте прапорщик фон-Ниссен падает у самого танка, который ему только-что удалось последним усилием остановить. Вследствие продвижения неприятеля на левом фланге, батальон оказался висящим в воздухе, и к тому же почти все патроны были расстреляны; принц Фердинанд был вынужден отвести свой боевой порядок на несколько сот метров назад. Когда этот маневр, который он лично прикрывал, стреляя вместе с другими из винтовки, был выполнен, удалось на новой позиции остановить наступление канадцев. Почти все их танки были разрушены, лишь немногим удалось бежать. Около 12 броневигов лежало перед фронтом батальона. Противник не даром писал в своем донесении, что его задержали первоклассные войска. К 3 часам пополудни бой приостановился: фронт полка остался непоколебимым, благодаря хладнокровию его командиров и мужеству его солдат.

Несмотря на указанные некоторые выводы из последних лет войны, мы все же не должны забывать, как уже сказано выше, что танки к концу войны находились еще в состоянии развития, и при успехах техники надо считаться с дальнейшими усовершенствованиями, благодаря которым можно предвидеть, что танки когда-нибудь сделаются вполне пригодным наступательным оружием.

Рассмотрев отдельные элементы наступления, мы не считаем своей задачей составить подробный тактический трактат о всех возможностях, которые могут возникнуть на деле из их взаимодействия.

В этом случае военные игры и учебные упражнения принесут больше пользы, чем приведение примеров.

Все-же мне хочется сказать следующее:

Все эти многочисленные отмеченные вспомогательные орудия лишь тогда выполняют свою задачу по доведению атаки до противника с наименьшими возможными потерями, когда они будут действовать планомерно, совместно (гармонично), взаимно дополняя и согласуясь друг с другом.

Тяжелые пулеметы, как мы уже упомянули, в состоянии уже с дальних расстояний поддерживать наступление пехоты, на более близком расстоянии их прекрасно восполняют легкие пулеметы, которые лишь в этот момент вступают в дело; таким образом войска должны быть особенно тщательно и, главное, планомерно обучены тому, чтобы при всяких обстоятельствах подбираться к неприятелю при помощи именно этого оружия, и лишь тогда вступают в дело остальные вспомогательные средства.

Когда пулеметам удастся загнать при помощи своего огня противника за его прикрытия и, таким образом, дать возможность ударным войскам приблизиться к его пулеметным гнездам, минометы и артиллерия могут разрушить последние несколькими меткими выстрелами, после чего пехота кончает с их гарнизонами ударом в штыки; минометы в это время уничтожают бегущего противника. Другое распределение ролей наблюдается, когда при наступлении на неприятельский опорный пункт приходится сдерживать соседние боевые участки противника (не только одно какое-нибудь пулеметное гнездо, как на чертеже устава)—задача, которая также должна быть подробно продумана. Здесь нашим начальникам еще в значительной мере недостает практического навыка. Обязанностью всех начальствующих лиц (батальонных командиров) является разучить со своими подчиненными это новое трудное искусство руководства и распределения задач между отдельными родами оружия, особенно при наступлении, не только на учениях, но также и в ящике с песком и на выходах в поле. Особенно важно установить взаимодействие всех родов оружия против центра тяжести атаки, обеспечить фланговой обстрел его. К сожалению, и доныне часто приходится наблюдать, как начальник, совершенно правильно установив центр тяжести, размещает все свои орудия для фронтального действия на участке, прямо против него, вместо того, чтобы действовать перекрестным огнем с соседних участков. Предположим, например, что батальон развернул для атаки 2 роты в первой линии, и против левофланговой роты, за которой следует 3 рота, находится центр тя-

жести боя. Для фронтальной поддержки обеих передних рот в их продвижении перебежками им могло бы быть придано по одному тяжелому пулеметному взводу, а к роте, направленной на центр тяжести, еще второй, который она, однако, помещает не на своем участке, но вместе с минометами на участке правого-фланговой роты, в то время, как взвод полковой артиллерии должен оказывать свое действие на намеченное место прорыва с участка соседнего батальона.

Столь важное для всякой фронтальной атаки действие с флангов таким способом скорее будет достигнуто, чем, если, оставляя орудия в пределах своего участка, мы будем ожидать флангового обстрела от соседних частей.

Границы полосы, отведенные батальону, не должны обращаться в шоры или загородки.

Первенствующее значение имеет обучение войск использованию флангового огня из соседних участков,—один из самых спорных вопросов во время войны.

Примером того, насколько разнообразнее по сравнению с практикой 1914 года может в настоящее время сложиться наступление усиленной роты, может служить следующее описание боя:

В марте 1919 года рота 1-го гвардейского полка отряда фон-Шаурота атаковала местечко Туркшле в Курляндии, главный опорный пункт большевиков. Рота состояла из двух усиленных взводов пехоты, пяти тяжелых пулеметов и одного орудия; длинное растянутое местечко было атаковано сбоку. Ей удалось незамеченною добраться до рощи, отстоявшей от местечка на расстоянии 400 метров. Здесь все пулеметы и орудия стали на позицию. Ровно в 8 часов утра все пять пулеметов сразу открыли огонь, в то время, как один взвод пехоты стал наступать справа от рощи, а слева от него, где лес тянется до самого края деревни, одновременно другой. Каждому тяжелому пулемету был указан определенный участок цели, в то время, как орудие,—что также было заранее условлено,—поражало своим огнем появлявшиеся мгновенные цели, в данном случае два внезапно появившихся неприятельских пулеметных гнезда. Сосредоточенным огнем вспомогательных орудий, выбившим из строя у большевиков 35 человек убитыми, неприятель был вынужден укрыться, и он заметил приближение пехоты лишь тогда, как она уже дошла до середины села. Тут уже ему не было возможности держаться и, когда энергично поведенная контр-атака быстро разбилась под огнем скоро подоспевших

пулеметов, местечко оказалось в наших руках; был разбит целый полк, а в добычу нам досталась, кроме множества пулеметов, одна тяжелая батарея.

Итак, слова Фридриха Великого, подчеркивающие взаимодействие разных родов оружия и флангового удара: «атакуйте мне их хорошенько нашими тяжелыми пушками, обстреляйте картечью, а там и удар во фланг»,—сохранили свое значение и до наших дней по отношению к оборонительным гнездам.

Никогда наша наступающая пехота не должна представлять той картины, которую нам так часто приходилось наблюдать в 1918 г. у наших «победителей»: у войск Антанты весь наступающий фронт шириною в дивизию тотчас же ложился, как только несколько еще уцелевших немецких пулеметов открывали огонь.

На кого огонь направлен, тот на войне это сразу заметит; все же остальное тем энергичнее стремится беззаветно вперед, причем тяжелым пулеметам может выпасть задача обезвредить эти гнезда при прохождении мимо них атаки.

Таким образом, не раз удавалось вытеснить эти пулеметы при помощи маневра; место, где они стояли, легко узнать по множеству пустых патронных гильз и по немногим убитым. И отдельное гнездо при известных обстоятельствах смолкает, как мы часто наблюдали, когда оживленный оружейный огонь свистит в их ушах. Только быстрым продвижением вперед можем мы использовать момент неожиданности по отношению к обороняющемуся.

Если во время войны недостаток наступательной энергии заставлял «победителей» ложиться под действием даже слабого огня, то на маневрах часто в этом виноваты посредники, которые не уведомляют наступающую сторону с должной точностью, на какую часть ее сил направлен огонь. В большинстве случаев это бывает благодаря неосведомленности самих посредников, вследствие плохой организации их службы. По большей части они сами этого не знают и не имеют надлежащего навыка, чтобы определить это по своему усмотрению.

В хороших войсках первый огонь вызывает стремление вперед, а не заставляет их ложиться наземь.

Отдавая полную справедливость новой инструкции для посредников, нельзя не отметить, что не следует исключительно указывать пехоте на действие оружия, например, неприятель-

ских пулеметов, таким образом, что солдаты начинают думать: «Нет, теперь ты уже вперед не пойдешь, так как оттуда, мол, по тебе стреляет неприятельский пулемет». Не следует также обучать солдат в том смысле: «Когда ты наткнешься на неприятельское гнездо, ты должен залечь и дожидаться действия вспомогательного оружия».

Это убивает наступательный дух. Напротив, часть, наткнувшаяся на неприятельское гнездо, должна тотчас приняться за его уничтожение; как это должно быть выполнено—вот вопрос, и здесь наступает время действовать посреднику. Не все отделение должно быть выведено из строя, если оно пошло в атаку без всякой поддержки, а отдельный солдат, который не использовал прикрытия, который делал слишком длинные или вялые перебежки, словом, работал неискусно. Принцип совместной работы отдельных родов оружия будет более выдвинут и приобретает большее значение при соответствующем боевым условиям замедлении всего маневра, что достигается наблюдением за каждым солдатом при его продвижении. Планомерное продвижение от прикрытия к прикрытию, с лопаткой в руках, проведенное вполне правильно, требует столько времени, что, с одной стороны, работа посредников делается планомернее, с другой—совместная работа с пулеметами и другими вспомогательными средствами сама собою организуется. Но больше всего следует настаивать на том, чтобы вспомогательные технические части самостоятельно определяли цели, препятствующие продвижению пехоты, и вступали с ними в бой. В этом отношении передняя линия может им помочь посредством сигнализации ракетами или небольшими квадратными флажками. Находящиеся в тылу начальники (командиры батальонов, а иногда и рот) будут посылать им уведомления или кроки местности, но самым важным фактором остаются собственные наблюдатели дальнобойных орудий и их тактическое понимание потребностей передовой пехоты. Поэтому уже во время войны возникла мысль дополнить связь между пехотой и вспомогательным оружием устройством ротных наблюдательных пунктов. При этом исходили из того факта, что командиры передовой линии в бою часто отказывались посылать из передовой линии сообщения через посыльных. Это всегда вело к потерям именно из числа лучших солдат. Ударный отряд или взвод, залегший на близкой дистанции от неприятеля (менее 400 метров), только крайне неохотно станет отсылать словесные или письменные донесения.

Так как рота лишь в самых редких случаях окажется в состоянии сама организовать у себя в тылу наблюдательные пункты за недостатком подходящих людей, без которых она могла бы обойтись, то тем более важным является, чтобы батальон, когда все поле сражения недоступно обозрению с одного пункта, выдвинул два наблюдательных пункта. Эти последние должны были бы передавать батальонному штабу или наблюдателям артиллерии и проч. свои наблюдения (обнаруженные неприятельские оборонительные гнезда, пулеметы и проч.). Бой против двух пулеметных гнезд изображен на чертеже ч. II устава. Правда, намерение осуществить охват могло бы быть резче выражено. Обход или охват, который во время крупных операций на войне отодвинулся на задний план, должен быть в действиях мелких частей всюду и всегда, где только возможно, предметом общего стремления.

Отдельные подробности взятия подобных гнезд, будь то на передовой позиции или на главной, бывают весьма разнообразны.

В виду все еще часто повторяющегося отказа легких пулеметов и трудности охвата этих гнезд в открытом поле, можно прибегнуть и к такому приему, — взамен легких пулеметов посылать одного стрелка с винтовкой, снабженной оптическим прицелом, или двух стрелков с автоматическими пистолетами во фланг гнезда. Они могут успешно и незаметно работать из воронки или другого прикрытия. Взятие английского гнезда, расположенного на поле, усеянном воронками, в 1917 году я сделал задачей для состязания, которую все группы полка разрешили при участии многочисленных посредников.

Как трудно самое ведение боя, так же трудной для начальников и зрителей является в наши дни правильная оценка поведения войск и во время маневров.

К трем основным элементам критики: оценка решения начальника, использование условий местности, дисциплина огня, — присоединилось, и притом в качестве решающего фактора на войне, сотрудничество разных родов оружия, как в большом, так и в малом масштабе.

Так как в действительности стрельба не производится, то без точного расследования не представляется возможным выяснить, поддерживал ли в действительности атаку роты данный пулемет, скрытый в какой-нибудь борозде. Только при помощи многочисленных органов наблюдения мы имеем вообще возможность получить верную картину того, действовали ли отдельные

орудия боя вполне согласно или нет. Но это должно быть затем подробно обсуждено, эти роды оружия того заслуживают; в противном случае они могут притупиться. Поэтому прежде принятая похвала «краткости критики» теперь могла бы быть принята лишь условно, если ей не сопутствует подробное затем обсуждение в комнате.

Но, кроме вышеописанного, доведенного до мельчайших подробностей, обучения наших войск всем приемам наступления с вспомогательными орудиями, нам при немногочисленности нашего войска, о чем мы уже упоминали, необходимо еще нечто для достижения победы.

в) Наступательный дух 1914 года, «тевтонская ярость».

Этот дух, конечно, не может быть «разучен» подобно всему тому, что относится к более техническому умению, о чем до сих пор было говорено. Он должен в решительную минуту сам появиться; основа же для него может быть положена и в мирное время путем воспитания солдат.

Как эта «тевтонская ярость» должна выявиться в решительный момент и как ее подготовить еще в мирное время возбуждением страсти к победе, мною представлено ниже в описании заключительного акта современного наступательного боя.

Пехота непрерывно пробивается вперед к неприятелю, проникнутая духом наступления, под прикрытием собственной артиллерии, которая выставляет против неприятельской пехоты все большее и большее количество орудий. Продвижение идет в пестрой смене стрельбы, ползков, прыжков, перебежек, карабканья, стрелковых цепей, линий и кучек с одной постоянной мыслью об охвате и действии во фланг.

В неправильных кое-где разбросанных ямах ищут укрытия, не для того, чтобы залечь в ее глубину, как то делает расстроенная часть, но для того, чтобы путем перемещения вперед, в бок или назад найти наиболее удобный пункт открытия огня по противнику. Тут винтовки и пулемет ищут для себя цели, и так идет дело все далее и далее в постоянной смене боя и работы винтовкой и лопатой. Там, где не хватает лопат, берутся за ножи и даже ложки, чтобы создать для себя хотя бы небольшое прикрытие. Минометы и полковая артиллерия облегчают продвижение вперед, причем с соблюдением строгой экономии в расходовании своих драгоценных снарядов.

Еще не пущенные в дело отделения легких пулеметов начинают подтягиваться, у них еще есть время использовать местность; ведь их опустошительное действие начинает ощущаться лишь на расстоянии 500 метров. Ползком по небольшой канаве отделение легких пулеметчиков пододвинулось вперед со своим наводчиком впереди и открыло огонь; все остальные пулеметчики отделения остаются еще позади. У других легких пулеметных отделений наблюдается тоже стремление держать в этой открытой местности всех чинов команды, без которых можно обойтись, по возможности дальше назад.

По быстро принятому взаимному соглашению с начальником тяжелых пулеметов командир 7-й роты составил план наступления на лежащую против него рощицу. Со своими двумя тяжелыми пулеметами с того плоского холма на левом фланге хочет он обстрелять сверху лесок, а, главное, его выдающийся угол, в то время, как пехота ползком и перебежками будет пробиваться по пахотному полю к этому углу, а два миномета возьмут его под обстрел. Между тем и на участке соседнего слева батальона передовые линии пехоты с легкими пулеметными отделениями роты N подбираются в густой траве, не неся особых потерь, к залегшему на противоположном плоском гребне неприятелю, под прикрытием стреляющих в промежутки тяжелых пулеметов и других вспомогательных орудий; но вот кончается трава, и их отделяют от противника лишь несколько едва заметных холмиков.

Войска подошли на расстояние последней штыковой атаки. Задача становится тем более трудной, что дивизионная артиллерия сосредоточила свой огонь значительно дальше влево, где, новидимому, открывается поле для неприятельской контр-атаки. На такой близкой дистанции уже нельзя то и дело залегать и открывать ружейный огонь; все силы должны быть направлены на то, чтобы захватить впереди возможно больше пространства.

Под прикрытием огня собственных пулеметов, которые стреляют в промежутки между взводами или с возвышенной позиции и тем удерживают неприятеля за прикрытиями, войскам придется пробиваться урывками, перебегая и переползая от закрытия к закрытию. Вновь брошенная в огонь часть тотчас хватается за винтовки. Ей представляется избавлением разрешение открыть огонь. С лопаткой в руке, все время с трудом отыскивая для себя хотя бы самую ничтожную складку на поверхности поля, каждый солдат, поодиночке один за другим, будет «накапливать»

ся» к неприятелю на расстояние, которое дало бы ему возможность одним броском добраться до него на штыковой удар *).

Здесь он и исчезает в землю.

Ротный командир заботливо высматривает, хватит ли его слабых двинувших в дело сил для прорыва. Два следующих стрелковых отделения передних взводов уже давно выдвинуты вперед; но не с тем, чтобы влиться, как то прежде практиковалось, в переднюю линию, но чтобы вдвинуть их планомерно в два больших промежутка тех же взводов там, где необходимо усилить действие огня. На пути обходят несколько возвышенное пространство, куда все время ложились снаряды неприятельской артиллерии и где уже было разбито слишком тесно сомкнувшееся отделение.

На сравнительно узком участке правого взвода, где прорыв, повидимому, наиболее удобен, уже поставлен ударный отряд 3 (резервного) взвода и один тяжелый пулемет, перед которым промежуток, в который он стрелял, сомкнулся; сам резервный взвод, который то там, то сям разместился в стрелковых окопах передовой линии, углубляя их, пробирается по ложбине вперед. Тем временем неприятельские пулеметы, которые, очевидно, стояли хорошо укрытыми позади передовой линии, умолкли. Это было результатом успешной работы 4 тяжелого пулеметного взвода батальона, открывшего перекидной огонь при помощи выдвинутого сбоку наблюдательного пункта **).

*) Этот прием „накапливания“ отдельными стрелками на расстояние штыкового удара, который был так досадлив для англичан, обычно применяется на наших маневрах в слишком кратком виде, так как обычно наши маневры начинаются с очень больших дистанций. Можно именно последнюю часть атаки сделать предметом занятий целого боевого утра с многочисленными посредниками, — занятий весьма поучительных и освежающих душу.

Молниеносный штыковой удар должен быть разучен чрезвычайно тщательно. Желательно, чтобы каждый солдат ежедневно проделывал упражнение „шагом, бегом (между двух желонеров), шагом“. На поле „шагом, бегом, ложись“. В поле солдат должен быстро определить глазом, в то время, как он ложится вблизи цели, подходящее место для прыжка. Подобные упражнения должны быть помещены в учебных уставах.

**) При малом числе орудий, которые у нас остались после Версальского мира и соглашения в Спа, на минометы придется возлагать разнообразные задачи артиллерии. Эти последние можно будет выполнять лишь при помощи перекидного огня. Отвращение к перекидному огню, которое все еще наблюдается в войсках, особенно во время наступления, объясняется тем, что они еще не достаточно знакомы с прицелом и потому не умеют с ним обращаться.

Если все приемы перекидной стрельбы кажутся пока еще сложными и

да же выстрел за быстрелом посылали свои снаряды средние минометы, туда же доставал и тяжелый пулемет из соседнего участка, стреляя сбоку из-за холма. Впрочем, и на всем остальном фронте наступление связало неприятеля, отдельные части которого, таким образом, были лишены возможности оказывать друг другу поддержку своим огнем; от меткого огня отдельных стрелков не ускользало на этой близкой дистанции ни одно показывавшееся из-за прикрытия движение руки или головы противника.

Действие вспомогательных орудий достигло высшего напряжения; тщательно наблюдавшая за ходом боя артиллерия перенесла свой огонь вперед; автоматические пистолеты выскивают себе цель; летит еще одна ручная граната; и вдруг поднялась атакующая часть: каждое отделение прокладывает себе дорогу, как самостоятельный ударный отряд, с ружьем на перевес и гранатой в руке. Лишь на левом фланге одно отделение перед самой неприятельской позицией, когда пал его командир, загнулось и вновь залегло—оно было уничтожено. Все остальные отделения, поддержанные ураганным огнем пулеметов, не обращая внимания на соседей, прямо через спрятавшуюся в своих окопах неспособную к обороне передовую линию пехоты противника, вихрем взбираются на тот маленький, в 100 метрах за ней лежащий холм, где раньше стояли тяжелые пулеметы противника. Тут-то и начинается настоящая рукопашная схватка: мы берём два еще не разбитых пулемета, прежде чем они успевают сделать хоть бы один выстрел. Подоспевшие 4 резервных стрелковых отделения приходят как раз во-время, чтобы остановить в 50 шагах контр-удар неприятельского отделения, направленного на высоту. В этот момент резервная рота батальона подоспела на высоту; она по собственному почину бросается тотчас налево в обход того места, откуда она подвергалась обстрелу; ей

требуют при практическом применении много времени, то это зависит от того, что новичек все стремится работать при помощи „основного метода“ в открытом поле. Чем больше знакомятся с прицелом для перекидного огня, тем больше убеждаются в тонкости и разработанности их конструкции и изумляются чрезвычайной ее простоте.

При наступлении лишь простое обещает успех, и эту простоту мы находим в наших прицелах для тяжелых пулеметов.

Мы можем скоро и точно работать без угломера и даже без прицельного круга с одним лишь пулеметным прицелом, так что по „упрощенному приему“ мы можем стрелять и под неприятельским огнем.

удается опрокинуть неприятеля, засевшего в части начатого окопа, и облегчить прорыв левой роты, несколько отставшей. Тут настало время, когда батальонный командир сам спешит вперед и выдвигает все тяжелые пулеметы (упряжные на рысях), минометы и полковые орудия, организует поднос снарядов. Взвод тяжелых пулеметов, который был придан, но не подчинен левой роте, запнулся и действовал вместо участка решительного удара по соседнему. Все остальные дальнобойные орудия в ожидании предстоящего штурма, несмотря на сильный огонь неприятеля, беззаветно меняли свои позиции, продвигаясь вперед в направлении предполагаемого прорыва. Батальонный командир на основании долговременного боевого опыта знал, что часто первоначально достигнутый блестящий успех разлетался прахом вследствие недостатка, именно в этот момент, патронов у истощенной боем пехоты или вследствие опоздания полковых орудий или потому, что резервы не были своевременно подтянуты к месту прорыва, а главное потому, что в минуту наибольшего истощения сил наступающий вождь не оказывался на месте.

Впереди слева, повидимому, готовится более сильная контр-атака. Спешно отдельные части приводятся в порядок, что не представляет особых затруднений, так как они вливались в бой глубоким строем. Все ударные части, без которых можно до известной степени обойтись, выдвигаются вперед, легкие пулеметы, эти превосходные орудия для отражения штурма, вновь выступают на первую линию, чтобы удержать завоеванное пространство. Контр-атака неприятеля, против которого даже прислуга миномета, расстреляв все снаряды, пускает в ход карабины и ручные гранаты, отражена в этом пункте. Вскоре подходят и части полкового резерва, которые опытный полковой командир пододвинул после неожиданно для него самого скорого прорыва неприятельской позиции. Они немедленно подвергаются обстрелу с правого фланга, где неприятель еще держится. Здесь наступление наткнулось на неожиданное препятствие: не запаслись ножницами для колючей проволоки.

Так разгорается все дальше и дальше в глубь укрепленной полосы бой, противоречащий всем установленным правилам, столь непохожий на наши прежние маневренные атаки (к сожалению, столь краткий во время наших упражнений).

Беззаветная энергия оградила полк от того, чтобы до сих пор

столь успешно выполненное наступление не завязло в этой укрепленной полосе (зоне). Ведя бой на близких дистанциях, без участия артиллерии с обеих сторон, наступающий одерживал верх во всех местах, где ему только удавалось удержать противника за прикрытием своим пулеметным и минометным огнем, искусно избегая его убийственного пулеметного огня, захватив его с фланга или с тыла. Немецкие штыки и мастерское попадание ручных гранат завершили успех. Здесь именно получивший пять ранений батальонный командир во главе своего штаба и ординарцев, внезапно наткнувшись на удержавшееся неприятельское гнездо, взял это последнее приступом.

Еще далее справа пехота братского полка непосредственно вслед за перенесенным вперед огнем собственной артиллерии и после прорыва передовой неприятельской линии неудержимо устремилась по оврагу значительно далее артиллерийской позиции. Беззаветный наступательный дух пехоты, поддержанный метким огнем артиллерии, достиг здесь полного успеха. Сильная контр-атака противника была отражена с большими для него потерями. Ибо тяжелые пулеметы, минометы, полковая артиллерия были своевременно подтянуты, полковой же командир уже давно перенес свой боевой пункт вперед.

План наступления, выработанный штабом дивизии, который, в виду трудности этой операции, предугадал наступление по участкам с ограниченными целями, был превзойден героизмом войск, стремившихся вперед за предел намеченной им задачи. Все более бой дробился на отдельные мелкие бои, в которых решающее значение приобретают действия низшего командного состава. Ибо моменты ослабления после прорыва устранены, как только удается вновь собрать беспорядочную толпу в их прежние воинские части под начальством их офицеров и унтер-офицеров. (Вот особо важный предмет для упражнения). Так продолжается бой. В одном месте враг оказывает упорное сопротивление, его обходят, в другом месте победитель продвигается беспрепятственно вперед. Наступавшая ночь распространяет свой покров над друзьями и врагами, лишь с большим трудом удается противнику восстановить сколько-нибудь непрерывную линию фронта, в которой все же замечаются значительные пробелы.

Распространяя успех в стороны и особенно у победоносного правофлангового полка, мы отрезаем от их базы целый ряд пулеметных гнезд: одни из них сдаются, другие очищаются их

гарнизонами, которым удается ускользнуть под покровом темноты, некоторые же продолжают упорно держаться. Лунная ночь не предоставила значительного отдыха войскам. На основании разнообразных донесений со всего фронта штаб дивизии отдал приказ продолжать наступление, указав перегруппировку войск с целью использования достигнутого успеха. Две стоявшие позади дивизии продвинулись вперед для дальнейшего наступления и расширения в сторону места прорыва. Сильный расход патронов и снарядов вызвал чувствительный недостаток в них в передовой линии. Лишь мало-по-малу, благодаря энергии своих командиров, стали подходить команды подносчиков снарядов к разбросанным по всему пространству минометам и пулеметам.

Организация связи доставила много хлопот во время боя. Начальник службы связи прибегал то и дело ко всем возможным средствам в надежде, что одно из них когда-нибудь даст желанный результат. (Во время маневров рекомендуется соорудить сначала все средства связи и затем посредникам выводить их из строя). Телефон батальона к передовой линии совершенно не работал; с одной ротой удалось поддержать некоторое время связь путем гелиографа; прекрасно зарекомендовали себя опять-таки посыльные и офицеры-наблюдатели, которые хорошо осведомляли полкового командира; санитары тоже брали с собою донесения и распоряжения. Хорошо использовали также вспомогательные роды оружия свои органы связи; они все время поддерживали сообщение с передовой линией.

К сожалению, команды голубиной почты и собак-вестовых, оставшись без определенного руководства, были рассеяны артиллерийским огнем. За ночь вся служба связи подверглась перестройке. На следующее утро все уже было приведено в порядок и подготовлено к использованию успеха, достигнутого накануне: вот уже с шипением летят с гребня ближайшей возвышенности первые неприятельские мины.

Д. Заключение.

Я сознательно избегал называть определенные воинские части в этих последних примерах атак, заимствованных из воспоминаний об отдельных моментах боя, иллюстрирующих те в то н с к у ю я р о с т ь, ибо все воинские части выполняли бесчисленное множество подвигов, подобных только-что описанным. Ведь и наступательных боев в великой войне было бесчисленное множество, во время которых каждый переживал подобное или даже более тяжкое. Разумеется, крупные бои, большие прорывы или

преследование во время мировой войны носили самый разнообразный характер. Нередко вслед за взятием полевых укреплений следовали периоды, в которых продвижение вперед происходило на большие расстояния. Напротив, очень часто, особенно в 1918 г., приходилось вести длительный бой во внутренней зоне пулеметов без определенно намеченной линии пехоты. Под прикрытием таких задерживающих пунктов отступающая сторона пыталась вновь придать устойчивость и крепость своей обороне и положить конец отступлению.

Упорство боев, на ряду с намерениями высшего командования, зависело также от морального состояния борющихся войск. С войсками, подобными тем, коими мы располагали в 1914 году, руководимыми воодушевленными офицерами, соперничавшими в личной храбрости со своими солдатами, мы бы, конечно, победоносно закончили и бои последнего года войны.

Но не надо забывать, что в течение более четырех лет наши войска вели непрерывную и тяжелую борьбу, что был недостаток в пополнении личного состава и что способность сопротивления значительно ослабела в германском народе, вследствие голодной блокады, которой нас подвергли наши враги. На основании данных опыта мировой войны мы должны придти к заключению, что наступление составляет более сильную форму боя и что для победы при наступлении вовсе не требуется непременно численное превосходство. Энергичные войска с непоколебимой силой наступательного духа справятся и с глубокой укрепленной полосой (зоной), особенно, если сумеют использовать всякий представившийся случай обхода и действия во фланг.

Как идеал маневренного боя за укрепленную полосу (зону), могут служить бои 10 запасной дивизии, которая, далеко опередив всех своих соседей, ворвалась клином в сильно занятую позицию англичан на реке Лис и в тот же вечер, да и на другой день, опять-таки опережая всех на многие километры, продолжала вести бой с англичанами, пробившись несколькими клиньями сквозь новую пулеметную зону их, не обращая никакого внимания ни на то, что ее собственные фланги оставались без опоры, ни на продвижение соседей, ни на весьма сильный по временам обстрел своих флангов численно превосходным неприятелем.

Если мы на этих страницах избрали темой для своего исследования бои с опирающимися на соседей части флангами, то

я всемерно считаю нужным предупредить против одностороннего предпочитания исключительно этой формы боя.

Свободные фланги часто встречаются и при фронтальных атаках. На второй день «великого сражения во Франции» 41 пехотный полк пошел в наступление, не имея слева соседних частей. Он вел бой против неприятельской позиции близ фермы Иуды.

Полк, который должен был вести наступление слева от него, отстал. Сильную атаку левого фланга 41 полк отразил своими резервами (рота пехоты и пулеметная рота) спокойно и обдуманно, не приостанавливая своего наступления.

В других же случаях внезапно образовавшийся промежуток в боевой линии вызывал большое беспокойство.

Был ли более высокого духа вождь, чем генерал фон-Бюлов? И все же он был охвачен пессимизмом, когда связь между первой и второй армией на Марне в 1917 году утратилась; правда, в течение многолетней работы мирного времени он воспитал свой III армейский корпус почти исключительно в правилах этой формы боя. Он даже склонялся к отступлению, хотя истинное стратегическое положение вовсе этого не требовало. И все же, как мы подчеркивали вначале, до сих пор во всей армии на «примерной войне» (маневрах и пр.) господствовал принцип открытых—одного или обоих—флангов. Итак, и в будущем во время упражнений не следует упускать из вида тех случаев, когда у одной или у обеих сторон будут иметься открытый фланг или разрыв в боевой линии или же таковые образуются в течение боя. Будем воспитывать наши войска, опираясь на наше построение вглубь и могучую оборонительную силу пулеметов, в той превосходной «нечувствительности» по отношению к необеспеченности своих флангов и к фланговому огню, которую мы обнаружили в 1915 году на восточном фронте. В то же время научим их быстро и энергично использовать таковые у врага.

Современный способ ведения пехотного боя с его более или менее самостоятельно сражающимися ударными группами представляет идеальное сочетание старой маневренной тактики свободных и открытых флангов с атакой, при которой оба фланга примкнуты к соседним войсковым частям. Уже во время одиночного обучения эти понятия должны быть внушены каждому отдельному солдату и войти у него в плоть и в кровь. Таким образом, и кропотливая работа одиночного обучения подготавливает нас к условиям крупных военных операций. Само собою разумеется, что такая подготовка в мелочах отдельных звеньев и

отдельного ударного отряда при совместной работе со вспомогательными родами оружия требует продолжительного обучения в течение месяцев и даже целых годов.

Будем воспитывать и наших командиров, как высших, так и низших, чтобы сделать из них практиков, которые при содействии вспомогательных родов оружия умели бы вести свой самостоятельный бой в рамках целого на пользу этого целого. Будем сражаться не исключительно при помощи стрелковых цепей, но и при помощи ударных отрядов.

С ротами, составленными из таких людей, мы будем одерживать при наступлении величайшие успехи даже над численно превосходным противником, если к этому уменью присоединить и дух наступления.

Мне хочется закончить свою статью словами одного особенно отличившегося во время великой войны молодого ротного командира: «Разумеется, нельзя создать обучением наступательного духа, но он требует постоянного ухода за собою. Тот, кому в 1914 и 1918 г.г. выпала на долю задача вести своих людей на неприятеля под неприятельским ружейным и пулеметным огнем, тот знает, как трудно было пробиваться вперед, когда у неприятеля еще работало хотя бы несколько пулеметов. Я часто задумывался над тем, был ли исключительно страх причиной недостатка охоты в солдатах к наступлению, но, ведь, те же люди в иных случаях проявляли такую отвагу, что о страхе не могло быть и речи. На мой взгляд главную роль в данном случае играет вера в успех. Раз нет этой веры—исчез и дух наступления; в то же время войска, чувствующие свое моральное превосходство над противником, способны на величайшие подвиги. Нам в нашей новой государственной армии чрезвычайно трудно после проигранной войны, с урезанным до последних пределов техническим оборудованием, воспитать в войсках эту веру в победу и волю к ней. При использовании местности никогда не следует стеснять этого духа наступления решениями посредников или соображениями относительно действия неприятельского огня. Его надо воспитывать путем обучения. Красной нитью должно идти от битвы с Варом в Тевтобургском лесу через Фербеллин, победы Фридриха Великого, до освободительной войны: «не техническое оборудование, не численное превосходство решают исход войны, но дух войска, дух всего народа».

